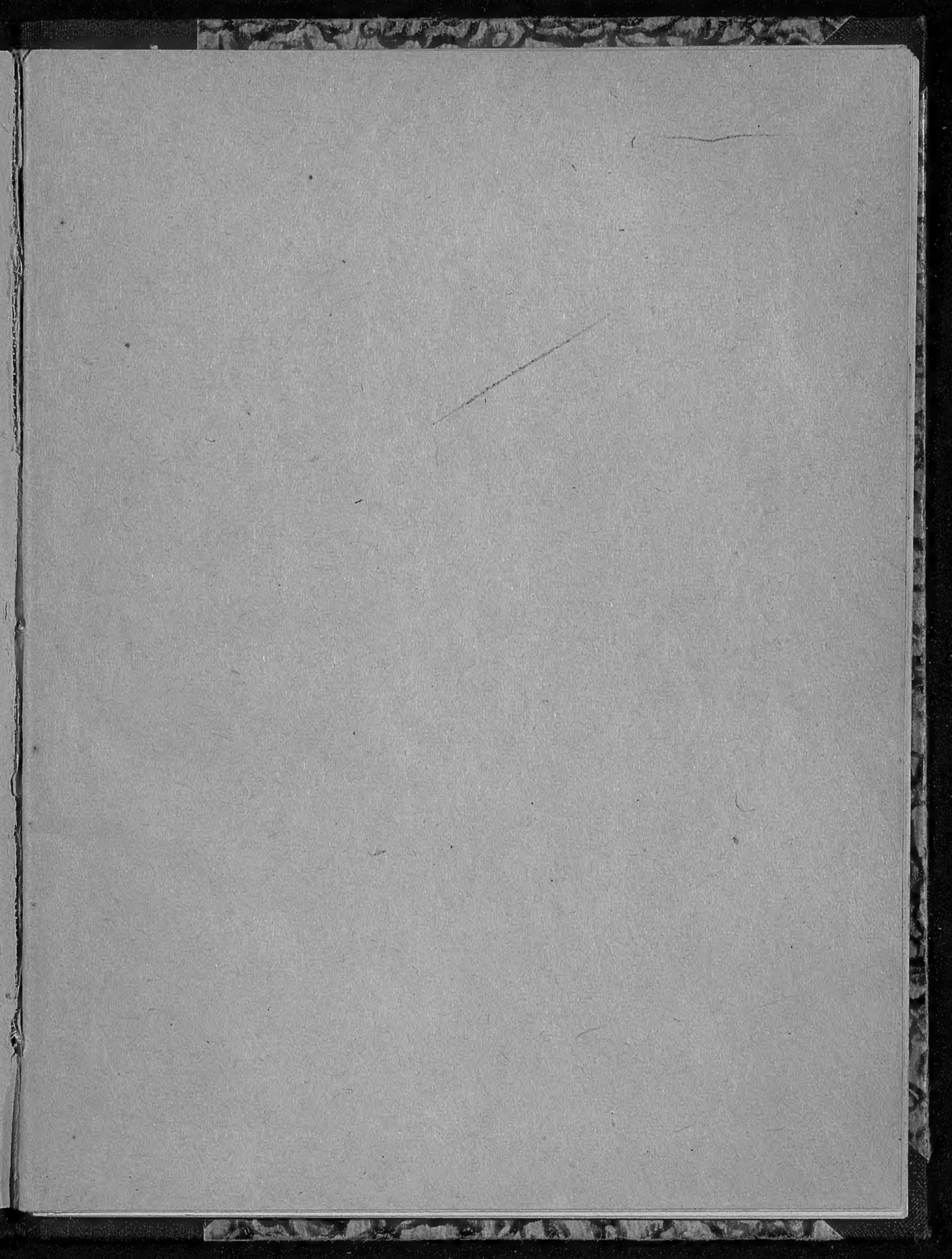

Н. А. Александровъ.

Казаки
Черноморцы и Терцы.

Изданіе
А. Я. Панафидина.

Н. Никольскій

р. Н. Денисов

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ

А. Я. ПАНАФИДИНА.

Москва. Покровка, Лялинъ переулокъ, домъ № 11—13

НАРОДЫ РОССІИ.

этнографическіе

разсказы для дѣтей.

ПУСТЫНИ СѢВЕРА И ИХЪ КОЧУЮЩІЕ ОБИТАТЕЛИ.

Н. А. Александрова.

Иллюстрировано М. Микѣшинымъ, А. Шарлеманемъ и др.

Изданіе 2-е.

Въ первомъ изданіи рекомендуется, какъ необходимое пособіе, Ученымъ Комитетомъ IV отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, при преподаваніи географіи Россіи въ старшихъ классахъ институтовъ и женскихъ гимназій, а также въ учительской семинаріи Воспитательнаго дома. Одобрена ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, для библіотекъ гимназій, прогимназій и уѣздныхъ училищъ. Рекомендуется. Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ, для библіотекъ, мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ. Одобр. Главн. Управлен. военно-учебныхъ заведеній для чтенія воспитанникамъ военныхъ гимназій и прогимназій.

Цѣна 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Его-же. ВОЛГА. Этнографическіе разсказы для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Въ первомъ изданіи одобрена Мин. Нар. Пр. для употребленія въ низшихъ училищахъ и внесено въ опытъ католога ученич. библ. средн. уч. зав. Вѣд. Мин. Нар. Пр. и для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Цѣна 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перепл. 1 р. 60 к.

КАЗАКИ

ЧЕРНОМОРЦЫ И ТЕРЦЫ.

Н. А. Александровъ.

СОБСТВЕННОСТЬ КНИЖНАГО СКЛАДА,
спеціально для иногороднихъ.
А. Я. ПАНАФИДИНА.
Покровка, Лялинъ пер., соб. д., № 11—13.
ВЪ МОСКВѢ.

МОСКВА.
Типографія И. Я. Полякова. Покровка, Лялинъ пер., д. № 13.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 4 іюля 1898 г.

ЧЕРНОМОРЦЫ.

(Кубанское войско).

За Дономъ, по пути на Кавказъ, наши южныя новороссійскія и донскія степи принимаютъ иной видъ, иной характеръ. Онѣ становятся скучнѣе, томительнѣе: [маленькіе курганы да кочки, на которыхъ попадаются сидящіе орлы, предвѣстники Кавказа,] маленькія балки да прудки и рѣчки, то пересохшіе, то покрытые плѣсенью,—вотъ все, что вы встрѣчаете и видите. [У дороги торчатъ колючки, или гдѣ либо на одинокомъ жалкомъ кустарникѣ качается жаворонокъ,] а вдали виднѣются бѣлесоватые солончаки или соленыя озера; дорога-же бѣжитъ и какъ-бы теряется въ [безконечной синевѣ степной] сизой мглы. Рѣдко гдѣ проглянетъ голый хуторокъ безъ зелени и деревьевъ, или одинокая хатка; рѣдко гдѣ заблеститъ ручей, а подъ ногами горячій песокъ, а надъ головой вѣчно безоблачное небо. [Жара и жажда томятъ все живущее, и все какъ-бы замерло, не движется, не шелохнется,—тихо и дико кругомъ.]

[Это прикавказскія степи, которыя залегаютъ на нѣсколько сотъ верстъ и доходятъ до рѣкъ Кубани

и Терека, гдѣ уже по ту сторону рѣкъ возвышаются горы, разметавшіяся и по самой степи отдѣльными небольшими предгоріями. По этимъ предгоріямъ зеленѣютъ растенія, частыя кустарники, деревья, а въ поселеніяхъ сады и огороды. За Кубанью,—тамъ мы видимъ на горахъ густые лѣса,—дубъ, чинаръ, тополь, вязъ, орѣшникъ, а за первой грядой горъ синѣетъ еще гряда, и на горизонтѣ, наконецъ, искрятся въ небѣ вѣчно снѣжныя вершины.

[На Кубани и на Терекѣ, точно также, какъ на Дону и на Уралѣ, собралась нѣкогда вольная вольница казаковъ,—эта живая изгородь, защищавшая и расширявшая повсюду прежніи границы Россіи. Терекъ съ весьма давнихъ временъ заняли донцы и волжскіе казаки, а Кубань Екатерина Великая отдала Запорожцамъ; то-есть той первой казацкой вольницѣ, которая жила за порогами на Днѣпрѣ.]

Если кому случится быть на Кубани, то его невольно поразятъ мирные, тихіе хутора и станицы въ виду грозныхъ горъ и этого, такъ называвшагося, гибельнаго Кавказа. [Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ, жениxованье на вечерницахъ, и выбѣленный уголъ хаты, и гребля съ вербами, и волъ въ ярмѣ, и конь подъ сѣдломъ,—все это какъ-бы истая Малороссія, и даже стародавняя, временъ гетманства.] [Языкъ, нравы, обычаи,—все, какъ у самыхъ коренныхъ хохловъ; и только одежда казаковъ совсѣмъ черкеская.] [Казакъ-черноморецъ внѣ строя, какъ въ походѣ, такъ и дома, по-

сить *бешметъ* (нижній кафтанъ), а поверхъ его *черкеску* (верхній кафтанъ, значительно длиннѣе бешмета) съ патронами на груди. На головѣ у казака мохнатая баранья шапка (папаха), а на ногахъ *вячики* (особаго покроя башмаки безъ подошвъ); зимой-же и въ непогоду онъ надѣваетъ сверхъ черкески *бурку* (плащъ изъ войлока съ мохнатой шерстью вверхъ); а на шапку *башлыкъ* (суконный колпакъ съ длинными широкими концами, обматывающими шею). Въ такомъ костюмѣ казакъ точно настоящій черкесъ, и чувствуетъ онъ себя въ немъ свободно, легко; если-же на казакѣ красуется еще и черкеское оружіе и есть черкескій конь, то это считается уже щегольствомъ. Надо замѣтить, что не одни казаки, но и всѣ сосѣднія съ ними народы переняли у черкесовъ весьма многое; казакъ-же оставилъ безъ вниманія только черкескій плугъ. Этотъ послѣдній легокъ и ходокъ; онъ рѣжетъ новину такъ тонко, что и боронить ее потомъ не надо; пахать отъ него искусная ткань, заглядѣнье; казацкій-же плугъ,—это его родной хохлацкій,—тяжелый, неповоротливый, и послѣ него нельзя не боронить. Но казаку однако мало и заботы о плугѣ,—онъ не хлѣбопашецъ, онъ прежде всего воинъ, а потомъ первое мѣсто у него занимаетъ скотоводство, затѣмъ рыболовство и наконецъ удалая, но опасная охота на дикаго звѣря. Казакъ спокопъ вѣковъ табунщикъ, рыболовъ и охотникъ. Эти промыслы не только кормили его всегда, но и воспитывали его воинственный духъ. Все его богатство и по сей день,—

табуны, стада, гурты и рыба. Равнины Черноморья, разстилающіяся вдоль Кубани, представляютъ собою необъятныя пастбища, гдѣ по всѣмъ направленіямъ пасутся стада животныхъ. Лошади съ короткой шеей, но крѣпкія, выносливыя и сильныя, принадлежатъ къ породѣ богатыхъ зимовниковъ Запорожья и приведены на Кубань съ Днѣпра. Ими снабжается наша артиллерія, разные конные полки и главная торговля производится на ярмаркахъ въ Ростовѣ и Бахмутѣ. Рогатый скотъ отличается крупнымъ ростомъ и дородствомъ; онъ по породѣ украинскій или черкасскій и его гоняютъ большею частью въ Воронежскую губернію, откуда онъ сбывается въ Петербургъ и Москву. Овцы—молдавской породы и замѣчательны своей длинной, но жестковатой шерстью. Обо всемъ этомъ добрѣ казаку нѣтъ особой заботы; круглый годъ весь скотъ бродитъ на подножномъ кормѣ и только на случай сильныхъ морозовъ, гололедицы и глубокихъ снѣговъ казакъ припасаетъ извѣстное количество сѣна. Гололедица и бураны или снѣжныя мятели губятъ скотъ и на Черноморьи, такъ же какъ повсюду въ нашихъ южныхъ степяхъ. Снѣжныя мятели (бураны) бываютъ иной разъ ужасны и бурлятъ по нѣсколько дней сряду. Обыкновенно онѣ начинаются среди теплаго, яснаго и тихаго дня. Воздухъ вдругъ станетъ холодѣть, мутиться, небо изъ синяго сдѣлается сѣрымъ; и тутъ передъ вами все сразу приметъ иной видъ, явятся точно какія-то видѣнія: курганы, пригорки, дороги покажутся не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ

вы ихъ видѣли; знакомые предметы покажутся незнакомыми; былинка вдали представится деревомъ, собака конемъ... А пройдетъ нѣсколько минутъ, и въ воздухѣ закрутятся легкія снѣговыя пушинки; и самъ воздухъ точно заколышется, а еще нѣсколько минутъ, и снѣгъ посыплется большими хлопьями; небо и земля исчезнутъ, все вокругъ наполнится густою снѣжною пылью, которая не дастъ ни дышать, ни смотрѣть; и, если вы въ дорогѣ, то не довѣряйтесь ни вашему опытному глазу, ни вашимъ знаніямъ мѣстности, а лучше поворотите коней за вѣтеръ и стойте. Тутъ сейчасъ налетитъ буря, она закрутитъ *смерчами* (сильные вихри) надъ курганами, она засвиститъ по балкамъ, и несчастныя стада заревутъ; буря начнетъ ихъ срывать съ ихъ становищъ, пойдетъ крутить, метать на всѣ стороны; голодные волки станутъ перехватывать и рѣзать отставшихъ отъ стада животныхъ; и пастухъ иной разъ покинетъ стадо, и за стадомъ, разбитымъ бурею, будетъ слѣдовать одинъ только вѣрный песъ,—его сторожъ. Табуны-же лошадей случается гибнуть въ такую бурю безвозвратно; ихъ или занесетъ куда-либо безъ вѣсти, либоже, срываясь съ обрывистыхъ береговъ, они попадутъ въ море или въ лиманы; иногда-же они замерзаютъ въ снѣжныхъ сугробахъ, сбившись въ кучку и обгрызая отъ голода одна у другой хвосты и гривы. Голодной смерти они точно также подвергаются и во время гололедицы, когда земля покроется ледяною корой, и эта кора не уступаетъ ударамъ твердаго ко-

пыта. Бѣдное животное перебьетъ себѣ всѣ ноги, и, понуривъ голову, отдастся на произволъ судьбы.

Отъ всѣхъ такихъ невзгодъ, конечно, одно спасеніе,—хорошій досмотръ; но гдѣ-же казаку, который вѣчно воевалъ и [должень былъ прежде всего заботиться] о своей жизни, [о цѣлости своей головы; да о томъ, чтобы черкесы,] проникавшіе даже и въ его степи, [не разорили-бы его домъ] и не угнали-бы его скота; гдѣ-же ему было тщательно наблюдать и вести свое хозяйство. Теперь, вотъ, [когда черкесы сдѣлались уже мирнымъ народомъ,]—теперь и казаки покойно живутъ въ своихъ станицахъ, и становятся мало-по-малу и хлѣбопашцами; и всѣ ихъ промыслы: коневодство, скотоводство и рыболовство начинаютъ улучшаться, ведутся не зря какъ-нибудь,—казаки заботятся обо всемъ и слѣдятъ за всѣмъ.

Рыбы на Кубани и въ Азовскомъ морѣ, а также и во всѣхъ лиманахъ много. Водится осетръ, севрюга, бѣлуга, судакъ, лещь, тарань, сазанъ, сомъ, сельдь, рыбецъ, кефаль, камбола и другія. Ловъ рыбы раздѣляется по временамъ года: на *весняный*, съ ранней весны до мая; *меженый*, съ мая до сентября; *просольный* съ сентября до замерзанія заливовъ и взморья, и *подледный*, отъ замерзанія до вскрытія лиманныхъ и морскихъ водъ. Золотымъ временемъ для рыболововъ считается у казаковъ весенній ловъ, когда морская рыба подходитъ къ берегамъ для метанія икры; когда она ищетъ теплыхъ, мелкихъ, спокойныхъ водъ, и несмѣтными полчищами захо-

дитъ въ ерики и лиманы, — въ эти какъ-бы изготовленные для нея самой природой садки и ловушки. Противоположный весеннему; то-есть самый плохой ловъ называется *меженый*, или лѣтній, когда рыба въ разбродѣ, и казаки о меженыхъ рыболовахъ, которымъ и дѣлать бываетъ нечего, говорятъ: „на межень иде лежень“ (лежебокъ). Два остальныхъ улова,— *просольный* (осенній) и *подледный* (зимній) отличаются не столько количествомъ, сколько качествомъ,—въ это время рыба особенно вкусна. Способы рыболовства у черноморцевъ тѣ же, что и вездѣ, и своеобразны ловли только бѣлуги лѣтомъ на морѣ, камболы въ Таманскомъ заливѣ да тарани у устьевъ степныхъ рѣчекъ.

Ловля лѣтомъ бѣлуги и другой морской рыбы требуетъ ловкости, силы и умѣнья. Когда у морской рыбы, преимущественно у бѣлуги, заводятся отъ морской воды въ жабрахъ черви, она подходитъ обмывать жабры къ рѣкамъ, гдѣ отъ прѣсной воды черви пропадаютъ. Тутъ, въ это время рыба всплываетъ на зеркальную поверхность взморья, впадая въ неподвижное, сонное состояніе; и тутъ-то казакъ-рыболовъ долженъ подплыть къ ней не только безъ всякаго шума и всплеска весла, но даже такъ, чтобы и тѣнь отъ лодки не упала на воду, иначе, чутко дремлющая рыба, встрепенется и быстро исчезнетъ въ море. Вооружившись желѣзнымъ трезубцемъ, прикрѣпленнымъ къ древку и привязаннымъ къ длинной веревкѣ, рыбакъ на извѣстномъ разстояніи ловко

съ силой бросаетъ трезубецъ въ рыбу; и когда рыба вмѣстѣ съ вонзеннымъ трезубцемъ уходитъ въ глубину моря, то рыболовъ опускаетъ веревку, пока рыба не лишится силъ и сама не всплыветъ на поверхность.

Другая своеобразная ловля,—это камболы въ Таманскомъ заливѣ. Ловля эта не замысловата. Выбравъ темную и тихую ночь, отправляются на промыселъ въ двухъ лодкахъ, между которыми отъ борта одной до борта другой протянута при самой поверхности воды рогожа. На лодкахъ зажигается яркій огонь, и камбола, бросаясь на свѣтъ, вспрыгиваетъ надъ водою и попадаетъ на рогожу.

Третія наконецъ еще ловля,—это промыселъ тарани съ помощью особаго устройства самолововъ. Тарань весной въ большомъ количествѣ заходитъ въ устье степныхъ рѣчекъ, гдѣ рыбаки ставятъ повсюду поперекъ рѣчекъ самоловы, которые устроены такъ, что зашедшая въ нихъ не хитрая и смирная рыбка, не находитъ выхода, и попадаетъ въ эти самоловы десятками тысячъ. Тарань въ морѣ, что овца на сушѣ,—стоитъ войти въ самоловъ одной, за ней ввалится и цѣлое стадо. Иногда изъ одного самолова достаютъ до пятнадцати тысячъ тарани, которая, впрочемъ, и расходится по всему черноморью, какъ вяленая, такъ и копченая, сотнями тысячъ.

Черноморская рыбопромышленность уступаетъ донской и уральской, но и сама Кубань не Донъ и не Уралъ, а также и ловъ на Кубани только теперь сталъ вполнѣ доступенъ; въ прежнее-же время, когда

черкесы не были мирнымъ народомъ, [казаки говорили, что воды Кубани „вѣчно съ кровью текутъ“;] и рѣдко кто изъ нихъ отваживался тогда на добычу. Тогда на Кубани они охотились больше всего на птицу, на дикаго звѣря; а птицы въ черноморьи, особенно весной, видимо не видимо. Съ ранней весны и до самой зимы по лиманамъ, рѣчкамъ и полямъ стадятся: дикіе гуси, лебеди, утки, дрохвы, стрепета, куропатки. Въ молодой травѣ бьетъ на зарѣ перепелъ, а въ поднебесной синевѣ раздается веселый [крикъ журавлей,—этотъ свѣтлый, далеко слышный крикъ, про который предки черноморцевъ—запорожцы, когда поздравляли своихъ атамановъ съ принятіемъ булавы, то говорили имъ: „Дай тоби Боже лебединый викъ, а журавлиный крикъ“.]

На птицу охотятся разными способами; ее стрѣляютъ, ловятъ сѣтями, а на фазановъ въ камышахъ по Кубани ставятъ силки.

Дикаго звѣря по степямъ и въ камышахъ на Кубани также многое множество. Есть кабанъ, олень, дикая коза, порѣшня, волкъ, лиса, заяцъ; и на волковъ казаки ставятъ капканы, на зайцевъ охотятся съ борзыми и бьютъ ихъ сотнями; но [самая любимая охота казака, — это отважная охота за кабаномъ, — звѣремъ чуткимъ, безстрашнымъ, а также свирѣпымъ и коварнымъ.] Противъ него дѣйствуютъ засадой и винтовкой. [Охота за кабаномъ требуетъ осмотрительности не меньше, чѣмъ бывалые поиски за черкесами.] Такъ, залегли однажды ночью на ка-

баньемъ слѣду два казака, отецъ и сынъ, въ камышахъ на Кубани, и только развѣло, какъ послышались пыхтѣнье и хрускъ. Насторожились казаки и видятъ черный огромный кабанъ пробирается съ своимъ стадомъ къ водопою. Казаки зашелестили камышемъ, и кабанъ, поднявъ уши, сталъ какъ вкопанный. Отецъ выстрѣлилъ, но не повалилъ кабана, а только поранилъ; и свинья съ поросятами шарахнулась назадъ, а кабанъ сдѣлалъ было яростный прыжокъ по выстрѣлу, но, ощутивъ рану, также повернулъ назадъ и помчался вслѣдъ за своимъ стадомъ. Пока отецъ заряжалъ ружье, сынъ бросился по слѣду крови за кабаномъ. Видитъ онъ кровавую струйку и слышитъ звучный трескъ камыша впереди себя, но никакъ не уловитъ глазомъ уходящаго звѣря,—очень густъ камышъ. Пробѣжалъ онъ шаговъ сто, — кровавый слѣдъ и торопливый трескъ все впереди его; какъ вдругъ что-то сзади толкнуло его въ ноги и больно, будто косой хватило по обѣимъ икрамъ. Повалился казакъ навзничь и очутился на спинѣ кабана. Тряхнулъ кабанъ спиной, махнулъ клыкомъ и располосовалъ казаку черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одно мгновеніе, одинъ взмахъ остраго, какъ шашка, кабаньяго клыка, и свирѣпое животное выпустило-бы казаку всѣ внутренности; но раздался выстрѣлъ отца и пуля угодила прямо въ кабанье рыло, такъ что кабанъ, съ разинутой пастью растянулся на мѣстѣ во всю свою трехаршинную длину. Хитрое, какъ ви-

дите, животное при преслѣдованіи его казакомъ, повернуло сперва назадъ, чтобы оставить слѣдъ впереди, затѣмъ бросилось въ сторону и устроило такимъ образомъ засаду на казака. Обѣ икры бѣдняка были прохвачены до кости, и, перевязывая раны, отецъ говорилъ сыну: „а що, хлопче (парень), будешь теперь знати, якъ гнатись, да не оглядатись“. И подобнаго рода разныхъ случаевъ при охотѣ за кабанами разсказываютъ казаки столько-же, сколько и о бывалыхъ черкескихъ набѣгахъ и о погоняхъ за черкесами.

Объ этихъ набѣгахъ и о войнѣ съ черкесами теперь казаки-черноморцы только разсказываютъ; но они этими разсказами живутъ и по днесь; и жизнь черноморца не будетъ полна, если не вспомнить и то вѣковое прошлое, отъ чего зависѣло и при чемъ складывалось все его настоящее существованіе.

Теперь черноморцы несутъ только свою очередную государственную службу, а тогда они не дремали ни на часъ, живя на Кубани. Вдоль всей Кубани были построены укрѣпленія, разставлены пикеты съ *вышками;* и казаки то залегали въ „*залогахъ*“ (на сторожѣ) по берегу рѣки, то находились въ разъѣздахъ, то въ розыскѣ непріятеля, то въ преслѣдованіи его, то, наконецъ, въ походахъ. Однимъ словомъ, казаки не знали покоя ни днемъ, ни ночью; и, оберегая жизнь другихъ, рисковали подставить свой собственный лобъ на каждомъ шагу. Сторожа черкесовъ съ *вышки,*—съ этой каланчи на четырехъ

столбахъ, казакъ кричалъ своимъ товарищамъ, отдыхавшимъ въ соломенномъ шалашѣ, „Черкесы! Богъ съ вами!“ и, выскакивая изъ шалаша, товарищи отвѣчали; „маячь-же, небоже“; то-есть подымай шары на шестъ, который на каланчѣ, или давай сигналъ другимъ вышкамъ, что значитъ *маячь тревогу.*

Ночью, вмѣсто шаровъ зажигали вѣхи, или факелы, сдѣланные изъ пеньки и соломы, и иногда со смоляной бочкой наверху. Ночью-же спѣшенные казаки по два по три вмѣстѣ залегали въ опасныхъ мѣстахъ на берегу Кубани,—что называлось „*залогъ*“; и тутъ-же отряжались съ постовъ, съ вечера, въ полночь и на разсвѣтѣ, *разъѣзды* также въ два-три конныхъ казака. Разъѣзды дѣлались обыкновенно прибрежными тропинками, проложенными и извѣстными только казакамъ; и казакъ въ разъѣздѣ былъ крайне остороженъ и чутокъ; онъ перекликался съ *залогою* или условленнымъ свистомъ, или же глухимъ, счетнымъ стукомъ шашки о стремя. Если кому случалось тогда проѣзжать позднимъ вечеромъ по Кубани и всматриваться тревожно въ темные кусты, боясь—не выскочитъ-ли оттуда головорѣзъ черкесъ, то проѣзжающій не видѣлъ разъѣзда, но разъѣздъ его не только видѣлъ, но и слѣдилъ уже за нимъ съ тѣхъ поръ, какъ послышался за версту или за двѣ его колокольчикъ. „Не безпокойтесь, поѣзжайте себѣ глаза зажмуривъ,—вѣдь мы не спимъ,“—думалъ разъѣздной казакъ; и когда проѣзжій скрывался съ глазъ, то казакъ снова прислу-

шивался къ печальному звяканью удаляющагося колокольчика, чтобы знать,—не прервется-ли онъ гдѣ вдругъ...

Тропинки разъѣзда проложены были по мѣстамъ не только скрытнымъ, но и совсѣмъ иногда наглухо закрытымъ кустарниками и камышами. Черкесы однако и тутъ открывали эти тропинки и дѣлали засады. Они залегали по бокамъ тропинки въ трехъ различныхъ мѣстахъ, и на средней засадѣ устраивали барьеръ по грудь лошади. Когда казакъ проѣзжалъ одну изъ крайнихъ засадъ, то сзади его раздавался сильный гикъ; и, бросаясь впередъ, казакъ сваливался на барьеръ. Но противъ такихъ ухищреній или козней и казаки принимали свои мѣры; они ѣздили гуськомъ поодаль одинъ отъ другого, и на случай раздававшагося сзади гика, поворачивали коня въ бокъ, а не по тропинкѣ впередъ. Во время скопленія большихъ непріятельскихъ силъ, когда черкесы нападали открыто, тогда ни темень, ни вьюга и стужа, ни угрозы близкаго и сильнаго непріятеля, — ничто не страшило казака; и, кромѣ разъѣздовъ по Кубани, онъ надѣялся и на [стрѣлковъ—развѣдчиковъ пластуновъ] слѣдившихъ за непріятелемъ за Кубанью и извѣстныхъ своей предпріимчивостью, мужествомъ и неусыпностью. У казака-пластуна, какъ сами черноморцы говорятъ, волчій ротъ и лисій хвостъ. Пластунъ знаетъ одно,— слѣдъ и засаду. Тотъ не пластунъ, кто не съумѣетъ убрать за собою свой собственный слѣдъ и разы-

скать слѣдъ непріятеля. Когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу остается слѣдъ за пластуномъ, онъ, чтобы запутать его, прыгаетъ на одной ногѣ, и, повернувшись къ цѣли своего поиска, идетъ пятками впередъ. Какъ оборотень въ сказкѣ,—что чудно дивно мѣняетъ свой ростъ, въ лѣсу вровень съ лѣсомъ, въ травѣ вровень съ травой, такъ и пластуны ловко пробираются, то ползкомъ, то скачкомъ между жилищами черкесскихъ ауловъ. Пластуны были замѣчательными развѣдчиками; они проникали въ самую глубину горъ, осматривали аулы и на каждомъ шагу сторожили и выслѣживали непріятеля. Встрѣчаясь со скопищемъ горцевъ, они также не робѣли: укроются въ первой попавшейся чащѣ камыша или можжевельника и быстро направятъ ружья на наступающаго непріятеля. Черкесы остановятся передъ такимъ смѣлымъ отпоромъ, думая что они наткнулись на *засаду;* начинаютъ осматриваться, понемногу стрѣлять, но, не получая отвѣтныхъ выстрѣловъ, идутъ въ обходъ, затѣмъ, наконецъ, съ гикомъ бросаются въ шашки; и, о смѣхъ и горе, пластуны исчезли, какъ привидѣніе, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ они присѣли, торчатъ на камышахъ ихъ шапки и башлыки. Пластунъ скорѣе теряетъ жизнь, чѣмъ свободу. Попавшій въ плѣнъ, —какъ его ни держи,—въ колодкахъ, или въ цѣпи на желѣзномъ ошейникѣ и даже въ ямѣ, онъ все равно, такъ или иначе, вывернется и уйдетъ.

Пластуны принимали къ себѣ товарищей большею

частью по собственному выбору. Они требовали отъ новичка мѣткой стрѣльбы, неутомимости въ походѣ, выносливость и голода, и холода, и терпѣнія, когда подъ носомъ превосходнаго по числу непріятеля придется пролежать, затаивъ дыханіе, въ камышѣ, кустарникѣ или травѣ нѣсколько часовъ, не обнаруживъ себя какимъ-либо неосторожнымъ движеніемъ. Вообще пластуны руководствовались своими собственными правилами; и у нихъ существуютъ даже свои преданія, свои повѣрья, и, такъ называемыя, *характерства:* заговоръ отъ пули, отъ опоя горячаго коня, отъ укушенія змѣи, наговоръ на ружье и на капканъ, „*замовляніе*" (заговоръ) крови, текущей изъ раны и проч. Одинъ человѣкъ, по ихъ повѣрью, можетъ заговорить сто другихъ противъ непріятельскаго оружія. Пластуна не только въ его обиходѣ и привычкахъ; но и на конѣ въ походѣ можно было отличить отъ другихъ казаковъ. У него сухарная сумка за плечами, штуцеръ въ рукахъ, онъ съ тесакомъ; на поясѣ пороховница, кулечница, отвертка, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла; тутъ-же иногда сбоку виситъ котелокъ, а иной разъ и балалайка, и даже скрипка. На ярмаркѣ въ главномъ городѣ черноморья,—Екатеринодарѣ пластунъ да чабанъ (овчаръ-пастухъ) первые весельчаки и забавники. Пластуна и тутъ всегда можно узнать по его костюму; онъ всегда въ черкескѣ, но въ черкескѣ отрепанной и покрытой разноцвѣтными заплатами; послѣдними онъ какъ-бы гордится; на немъ

папаха (мѣховая шапка) вытертая, порыжѣлая, по ухарски заломленная на затылокъ; чевяки-же (башмаки) изъ кожи дикаго кабана щетиною наружу. Гдѣ пластунъ, тамъ и веселье, а гдѣ чабанъ, тамъ слышится гуденье бубна и визгъ скрипки. Чабанъ въ черноморьи,—это тоже особаго склада человѣкъ. Хлопцы и молодицы (парни и дѣвушки) толпятся вокругъ чабана, а онъ со сбитой на ухо шапкой, съ цвѣтнымъ платкомъ черезъ плечо и флягой или бутылкой въ рукѣ скачетъ гопака до упаду. Этотъ мѣшковатый на видъ гуляка *водитъ музыки* и угощаетъ на ярмаркѣ встрѣчнаго и поперечнаго.

А на ярмаркѣ въ Екатеринодарѣ, по выраженію черноморцевъ: „И, Боже мій, чего, чего не побачишь" (не увидишь). Сюда дѣйствительно собирается все, что есть въ окружности на Черноморьѣ. Въ одномъ мѣстѣ стоитъ черкесскій таборъ скрипучихъ арбъ съ строевымъ лѣсомъ, частоколомъ, обручами, осями, каюками (лодками), корытами, лопатками, вилами, одеждою изъ домашняго горскаго сукна, медомъ, воскомъ, саломъ и кожами. Въ другомъ мѣстѣ разными бездѣлушками торгуютъ Нахичеванскіе (съ Дона) армяне; тутъ опять Ярославскій или Владимірскій коробейникъ (офеня) съ бакалейнымъ или сельско-галантерейнымъ товаромъ; на облучкѣ телѣги сидитъ продавецъ косъ; а тутъ опять продавецъ восковыхъ свѣчей, ладону, патоки и церковной утвари; наконецъ кричитъ на всю толпу и гончаръ: „молодици, по горшки, а нужъ мерщій (ско-

рѣс) по горшки"... Но первое мѣсто на ярмаркѣ занимаютъ прасолы, то-есть сгонщики или скупщики скота, лошадей и овецъ, а за ними уже слѣдуютъ наѣзжіе продавцы.

Ярмарку екатеринодарскую, какъ и всякую другую казацкую, окружаютъ обыкновенно скотные и конскіе гурты; въ самой-же серединѣ ярмарки „*тичокъ*"—толкучій рынокъ рогатаго скота и ѣзжалыхъ лошадей. Здѣсь вертлявый цыганъ на старой клячѣ, подогрѣваетъ ее разными способами и подхваливаетъ, чтобы продать; здѣсь и наѣздникъ бойко гарцующій на дикой лошади, которая бѣсится и выбиваетъ его изъ сѣдла; поодаль-же этого шумнаго торжища, слѣпецъ въ ветхомъ подрясникѣ читаетъ на память псалтирь, а въ самомъ многолюдномъ мѣстѣ, около шатровъ съ орѣхами и пряниками, слѣпые нищіе, усѣвшись въ рядъ, безъ шапокъ, подъ палящими лучами солнца, съ запыленными лицами и съ деревянными чашечками въ рукахъ, поютъ *лазаря* подъ плаксивую игру *кобзы.*

Такъ, всѣ тутъ торгуютъ: и черкесы, и армяне, и русскіе, и цыгане; сами же казаки никогда нигдѣ не были торговцами, а дѣды ихъ говаривали: „якъ хочешь мене узивай (называй), а бы не крамаремъ (торговцемъ); за те (то) полаю (побраню)".

Казакъ такимъ образомъ къ торговлѣ относится съ презрѣніемъ, но промыслы и ремесло онъ любитъ, а хозяйство и домостроительство, — это его страсть. Онъ и во время войны въ большихъ похо-

дахъ и при долгихъ стоянкахъ устраивается, какъ дома у себя на степи.

Едва на два, на три дня войска гдѣ-либо въ горахъ остановятся, какъ у казака готовъ уже шалашъ; едва кошеваръ успѣетъ развести огонь, какъ ужъ казаки похозяйничали: одни подсидѣли кабана, другіе наловили рыбы; и наловили ее, за неимѣніемъ никакой снасти, рубашками да нижними панталонами. Если-же отрядъ простоитъ долгое время, то шалаши казацкаго бивака начнутъ увеличиваться да увеличиваться, преобразятся въ хаты съ дымовыми трубами, а вокругъ нихъ возникнутъ хлѣвы, насѣсти, ясли, скотные дворы; и на казацкомъ бивакѣ закудахтаютъ куры, замычатъ телята, заблеютъ бараны; на праздничномъ-же обѣдѣ явятся и лакомые малороссійскіе вареники.

Въ постоянной службѣ на Кубани черноморскій казакъ въ свободное время кропаетъ ножемъ ложку, вырѣзая на ея ручкѣ и на оборотѣ ея дна разные потѣшные узоры, долбитъ корыто, стружетъ вилу или ось и плететъ изъ свѣжихъ ивовыхъ прутьевъ „кошель“ — подвижную житницу для зерна своей нивы. Въ Закубанскихъ-же укрѣпленіяхъ, — тамъ казаки, неся свою службу на постахъ, заводили огороды, бакши, сажали виноградную лозу, а также выдѣлывали кожи, выжигали горшки и разную глиняную посуду.

Изъ этого ясно видно, что казакъ-черноморецъ не только отваженъ и храбръ, но и трудолюбивъ. Теперь,

когда война миновала и царствуетъ миръ надъ Кавказомъ, черноморскія степи, быть можетъ, превратятся со временемъ въ сады, каковыми, какъ многіе полагаютъ, они нѣкогда изобиловали; а на Кубани и за Кубанью зацвѣтетъ вторая Малороссія съ ея зажиточными селами и хуторами. Въ черноморское войско съ давнихъ временъ вступали и русскіе, и черкесы; и всѣ они очерноморились, всѣ стали жить по казацки и все переняли у черноморцевъ. Тоже можетъ случиться и съ горскими народами, которые все ближе и ближе сходятся теперь съ казаками; и прежнихъ два врага со временемъ будутъ два друга. Но казакъ-черноморецъ стоекъ,—онъ и по днесь остался такимъ-же, какимъ былъ на Запорожьи и всѣ его обычаи, весь домашній бытъ тѣ-же, что и на Украйнѣ, или въ Малороссіи.

ТЕРЦЫ.

(Гребенскіе казаки).

Ой, ты батюшка нашъ, батюшка,
Быстрый Терекъ ты Горынычъ!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая,
Ты прорылъ—прокопалъ
Горы крутыя, лѣса темные,
Ты упалъ Терекъ Горынычъ
Во синее море, во Каспійское...

Такъ гребенскіе казаки поютъ про Терекъ, который заняли они еще при Іоаннѣ Грозномъ, и были такимъ образомъ первыми русскими поселенцами на Кавказѣ. Іоаннъ Грозный надѣлилъ ихъ землею по

эту сторону рѣки; то-есть со стороны степи; они-же прежде жили въ горахъ, за Терекомъ, на первомъ гребнѣ горъ; отчего и назывались *гребенскими*. Живя въ горахъ, казаки породнились съ чеченцами и переняли у нихъ одежду, оружіе, нѣкоторыя обычаи, нравы, но свято сохранили свою вѣру и языкъ. Родствомъ съ чеченцами они считаются и до сихъ поръ; и, какъ съ одной стороны это родство привило къ нимъ много азіатскаго, —любовь къ необузданной свободѣ, праздности, грабежу и войнѣ; такъ съ другой это смѣшеніе образовало очень красивое племя. Особенной красотою отличаются гребенскія казачки, красота которыхъ поразительна соединеніемъ прекрасныхъ правильныхъ очертаній черкесскаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Нашъ знаменитый поэтъ Лермонтовъ сложилъ о нихъ такую пѣсню:

Терекъ воетъ дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
«Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора-бы мнѣ.

И Терекъ говоритъ старцу - морю, что онъ разорвалъ скалы Дарьяльскаго ущелья и пригналъ для старца стаю валуновъ:

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ,

говоря, что онъ привезъ ему гостинецъ:

То гостинецъ не простой,
Съ поля битвы кабардинецъ,—
Кабардинецъ удалой...

Но Каспій не внемлетъ и такому подарку; и тогда Терекъ шепчетъ старику:

Слушай, дядя, даръ безцѣнный,
Что другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами,
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой....

. . . .
. . . .

Тогда

И старикъ (Каспій) во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темносиніе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный.
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Но помимо такой красоты, чарующей всѣхъ, [гребенскія казачки умнѣе, развитѣе и даже физически сильнѣе своихъ мужей казаковъ.] Весь казацкій домъ держится на плечахъ казачки. Все имущество, все хозяйство пріобрѣтено ея трудами и ея заботами. Казаки на охотѣ за звѣремъ, за птицей, либо на рыбной ловлѣ, а въ прежнее время, до покоренія Кав-

каза, въ набѣгахъ на горцевъ, въ крѣпостяхъ и на постахъ на службѣ; дома-же въ станицахъ они только гуляли и напивались *чихиремъ*, собственнаго изготовленія виномъ, котораго у нихъ въ изобиліи. У гребенского казака всего вдоволь,—онъ занялъ самую богатую, самую плодородную полосу земли по берегу Терека. У него и роскошные большіе сады съ грушами, персиками, тутовникомъ, лычей, и баштаны съ арбузами и дынями, и непролазные виноградники; а вокругъ станицъ: поля съ кукурузою, просомъ и пшеницею, и тучныя пастбища. Лѣса подъ Терекомъ темные, дикіе. Карагачевый и чинаровый лѣса такъ густы, что нѣтъ нигдѣ просвѣта; почти каждое дерево обвито сверху до низу дикимъ виноградникомъ и хмѣлемъ, которые то вьются по стволамъ и взбѣгаютъ на самую высь дерева, то перекидываются съ вѣтви на вѣтвь и легкими, колеблющимися нитями спускаются къ землѣ. Между деревьями все густо заросло темнымъ терновникомъ, и нѣтъ полянки, которая не была-бы покрыта вплотную ежевичникомъ и камышемъ съ сѣрыми колеблющимися махалками. Есть въ лѣсахъ дубы, клепы и липы въ нѣсколько обхватовъ и есть исполинскія деревья, отягощенные огромными орѣхами. А кусты розановъ, жимолости и жасмина наполняютъ воздухъ раздражающимъ ароматомъ, а шелковыя травы пестрѣютъ, какъ ковры, всевозможными цвѣтами. Дико, но красиво, а благодать и изобиліе во всемъ полное!

Тоже самое вы чувствуете, глядя и на казацкія

станицы. Хаты, если и не новыя, то всѣ прямыя, чистыя, опрятно покрытыя камышемъ, съ высокими князьками; всѣ онѣ на столбахъ приподняты отъ земли на аршинъ, съ разнообразными высокими крылечками; и расположены хаты не прижатыми одна къ другой, а просторно и живописно, образуя широкія улицы и переулки. Передъ свѣтлыми большими окнами многихъ хатъ поднимаются высоко темнозеленыя раины и нѣжныя свѣтлолиственныя акаціи съ бѣлыми душистыми цвѣтами, а у огородовъ блестятъ желтые подсолнечники и вьющіяся лозы травянокъ и винограда. Чистота и изящество въ убранствѣ хатъ составляютъ такую-же необходимую привычку жизни казачекъ, какъ и щегольство ихъ въ одеждѣ. Хата состоитъ изъ двухъ комнатъ; и въ первой лежатъ пуховики, ковры, одѣяла, а вдоль лицевой стѣны, красиво прибранныя другъ къ дружкѣ, подушки, на лавкѣ; подъ лавкой-же арбузы, дыни, тыквы; на боковыхъ стѣнахъ висятъ мѣдные тазы и оружіе, а въ другой комнатѣ большая печь, столъ, лавки и старовѣрческія иконы. Возлѣ хаты разныя хозяйственныя постройки такія-же прочныя и прямыя. Повсюду и во всемъ видно довольство и женская заботливость. Во время дня въ станицѣ точно и нѣтъ никого; всѣ работаютъ либо въ поляхъ, либо въ садахъ. Но, настаетъ вечеръ, и со всѣхъ сторонъ подвигается къ станицѣ народъ пѣшкомъ, верхомъ и на скрипучихъ арбахъ. Дѣвушки, весело болтая, съ подоткнутыми рубахами и съ хворостинами въ рукахъ бѣгутъ къ

воротамъ встрѣчать скотину, которая толпится въ облакѣ пыли и комаровъ, несущихся за ней съ самой степи. Коровы и буйволицы расходятся по улицамъ и переулкамъ, и казачки въ цвѣтныхъ бешметахъ снуютъ между ними, загоняя по дворамъ. Скуластый, оборванный работникъ-нагаецъ привезъ кому-то со степи камышъ. Старый казакъ съ засученными штанами и съ открытой грудью возвращается съ рыбной ловли; молодой-же верхомъ въ оружіи подъѣзжаетъ къ хатѣ и, перегибаясь на сѣдлѣ, стучится зачѣмъ-то въ окно. А казачата визжатъ по всѣмъ улицамъ, гоняя кубари. Все ожило, движется и станица точно преобразилась. Но надо видѣть казачью станицу во время сбора винограда, или въ праздникъ, — тутъ тогда все весело, все радуется и все точно кипитъ жизнью. Изъ садовъ слышится цѣлый день смѣхъ, пѣсни и веселые женскіе голоса. Въ садахъ и на бахчахъ кишитъ все населеніе. Вездѣ и повсюду передъ вами черныя, спѣлыя и тяжелыя кисти винограда. Онѣ валяются, измятыя колесами, по пыльной дорогѣ; съ кистями во рту мальчишки и дѣвченки въ испачканныхъ виноградным соком рубашкахъ, бѣгаютъ за матерями; нагруженныя виноградомъ плетушки несутъ на сильныхъ плечахъ оборванные работники-нагайцы; съ высоко наложенными виноградомъ арбами, обвязанныя до глазъ бѣлыми платками, хорошенькія, весёлыя казачки ведутъ быковъ; и вся, и все какъ-бы весело наработалось и весело отдыхаетъ. Кое-гдѣ стали уже и выжимать виноградъ. Кровя-

ныя, красныя корыта виднѣются то тамъ, то сямъ подъ навѣсами, а нагайцы работники снуютъ по дворамъ съ засученными панталонами и съ окрашенными виноградным соком голыми икрами. Плоскія крыши домашнихъ пристроекъ сплошь уже уложены для вяленія черными и янтарными кистями; и возлѣ крышъ жмутся, перепарихвая съ мѣста на мѣсто и подбирая зерна, сороки и вороны, а въ углахъ двора, валяясь въ выжимкахъ и лопая ихъ, фыркаютъ свиньи. Видимо, все полно довольства и наслажденія; и позднимъ вечеромъ вся станица на улицѣ, всѣ разсаживаются по заваленкамъ и всѣ лущатъ хорошо высушенныя въ печи арбузныя и тыквенныя сѣмячки. Въ праздникъ-же, какъ только станетъ вечерѣть, старики собираются на заваленкѣ станичной избы, что тоже станичнаго правленія, и спокойно, мѣрными голосами бесѣдуютъ объ урожаяхъ, общественныхъ дѣлахъ и о старинѣ. Проходя мимо ихъ бабы и дѣвушки пріостанавливаются и опускаютъ головы, а молодые казаки, почтительно уменьшая шагъ, снимаютъ папахи и держатъ ихъ нѣкоторое время передъ собой. Казаки въ красныхъ, бѣлыхъ и яркоцвѣтныхъ черкескахъ, обшитыхъ блестящими галунами, въ цвѣтныхъ вячикахъ и наговицахъ, съ оружіемъ, отдѣланнымъ въ серебро съ черныо, а казачки въ цвѣтныхъ рубахахъ съ надѣтыми по верхъ красными бешметами съ монистами вокругъ шеи и также въ яркихъ вячикахъ и съ бѣлыми платками, обвязывающими голову. По всей станичной площади

кричатъ и визжатъ мальчишки и дѣвченки, играя въ лапту и забрасывая мячъ далеко въ синеву неба. Дѣвченки, подражая большимъ, водятъ прежде ихъ и хороводы, напѣвая тоненькими и пискливыми голосками, заученныя ими пѣсни. Но молодые разодѣтые казаки, взявшись рука съ рукой, по два и по три расхаживаютъ по площади отъ одного кружка бабъ и дѣвушекъ къ другому, и, останавливаясь, шутятъ и заигрываютъ съ казачками. Они выжидаютъ, когда стемнѣетъ; и тогда-то смѣшанно послышится съ разныхъ сторонъ: говоръ, смѣхъ и щелканіе сѣмячекъ; запестрѣютъ кучками около заборовъ и хатъ бѣлые платки и папахи; а дальше явится на площади и хороводъ, и разольются громкія хороводныя пѣсни. Схватившись рука съ рукой, дѣвушки кружатся, плавно выступая и переговариваясь съ казаками, которые иногда ихъ затрогиваютъ, и, разрывая хороводъ, входятъ въ него. Старухи и бабы стоятъ возлѣ и прислушиваются къ пѣснямъ; а мальчишки и дѣвченки бѣгаютъ вокругъ хоровода и догоняютъ другъ друга. Хороводъ водятъ долго, но потомъ пьютъ *чихирь* еще дольше; и пьютъ его всѣ отъ мала до велика, прямо изъ кувшиновъ.

Чихирь—это главное достояніе казаковъ, и подъ именемъ *кизлярскаго* вина расходится по всей Россіи; при чемъ въ Россіи изъ него изготовляются и разныя другія вина. Кромѣ однако чихиря, у гребенского казака громадные сады съ черносливами, персиками, абрикосами, шелковицей, грушами, бергамотами; гро-

мадныя бахчи съ арбузами и дынями; а затѣмъ большіе посѣвы кукурузы и проса; есть также пшеница разныхъ сортовъ, овесъ, ленъ, конопля, дающая отличную пеньку, замѣчательную по своей прочности. Но и это не все довольство благодатной полосы земли, которую занялъ гребенской казакъ. Травы на этой землѣ сочныя, выше роста человѣка; и скотъ жирный, сильный; по поговоркѣ казаковъ „годъ — теленокъ, а другой годъ — корова". Бараны отличаются очень вкуснымъ мясомъ, а лошади выносливы, не знаютъ ковки и въ продолженіе мѣсяца безъ дневокъ могутъ дѣлать отъ шестидесяти до ста верстъ въ сутки. Теперь-же, на этой-же полосѣ земли, открывается кое-гдѣ нефть, каменный уголь, а въ горахъ за Терекомъ разныя руды. Рыбы въ Терекѣ много, но далеко, конечно, не то, что на Уралѣ, или на Дону; за-то крупнаго звѣря въ лѣсахъ,—кабановъ, оленей, лисицъ, волковъ, а также и птицы,— дикихъ курочекъ, фазановъ, какъ рѣдко гдѣ.

Такимъ образомъ гребенской казакъ всѣмъ обезпеченъ и все имѣетъ отъ окружающей его роскошной природы; но онъ и теперь еще, не смотря на мирное время, плохо принимается за работу, плохо воздѣлываетъ свои поля; и только радуетъ свою душу, что вспоминаетъ былую жизнь, набѣги на горцевъ, засады и стычки съ абреками (удальцы-горцы). Онъ гордится прошлой жизнью, полной храбрости, удальства, ловкости и на хлѣбопашца мужика смотритъ такъ же какъ смотрѣли прежде и всѣ казаки—съ нѣкото-

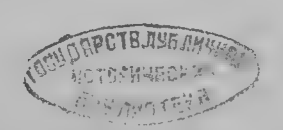
рымъ презрѣніемъ. Конечно, все это со временемъ, съ годами и съ требованіями новой окружающей жизни измѣнится; но казакъ, вспоминая и гордясь своими прошлыми подвигами въ войнѣ съ чеченцами, вполнѣ правъ. Нигдѣ на Кавказѣ не было такой безустанной, страшной и ожесточенной войны, какъ съ чеченцами. Въ Чечнѣ непріятель былъ невидимъ, но вы могли встрѣтить его за каждымъ деревомъ, кустомъ и въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли могъ считаться вашимъ, гдѣ стоялъ отрядъ войска и гдѣ было укрѣпленіе; сзади-же, впереди и съ боковъ, вездѣ васъ окружалъ непріятель. Въ открытыхъ мѣстахъ чеченцевъ какъ-бы и не существовало; но только вступали наши войска въ лѣсъ и начиналась перестрѣлка. Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ и сильнѣе была перестрѣлка. Затихнетъ она, и чеченцевъ точно нѣтъ; видна одна-двѣ головы, покажется десятокъ, и затѣмъ все мгновенно исчезаетъ; но, если чеченцы замѣтятъ, что ослабъ нашъ отрядъ, то вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ, и чеченцы съ гикомъ кидаются на разстроенные ряды нашихъ солдатъ. Встрѣтивъ-же стойкость и отпоръ, они снова исчезаютъ за пнями и деревьями, и снова открываютъ изъ-за нихъ убійственный огонь. Такъ повторяется все время, пока не окончится лѣсъ, пока также сами чеченцы не потерпятъ значительнаго урона, или-же наши войска не встрѣтятъ ихъ штыками. Тутъ тогда начиналось ужасное бѣдствіе: чеченцы, какъ тигры были безпощадны и быстры, и только приближеніе

изъ станицъ свѣжихъ нашихъ силъ могло остановить общее поголовное истребленіе. Тутъ чеченцы точно всѣ дѣлались *абреками;* то-есть тѣми удальцами, которые не знаютъ страха передъ смертью. Но и настоящихъ абрековъ въ Чечнѣ было болѣе, чѣмъ гдѣ-либо на Кавказѣ; и они нападали и дрались съ казаками на каждомъ шагу. Казацкіе разъѣзды, посты и караулы только и имѣли ежедневно дѣло, что съ абреками. Лежа на караулѣ въ камышахъ на берегу Терека, видитъ казакъ плыветъ карчага по волнамъ, колыхаясь изъ стороны въ сторону, но замѣчаетъ онъ, что плыветъ она не вдоль рѣки, какъ другія такія-же карчаги, а поперекъ. Всматривается казакъ, и передъ нимъ чуть, чуть обозначаются изъ-за карчаги голова, руки; казакъ прицѣливается и чеченецъ убитъ. На другой день братъ, или другой какой родственникъ пріѣзжаетъ выкупать тѣло убитаго и тутъ-же, убирая тѣло, клянется про себя отмстить за него. Проходитъ недѣля другая, а иногда мѣсяцы и годы, а месть, такъ или иначе, все-же-таки совершится; и бываетъ весьма зла и удачна. Мститель или ищетъ случая, или набираетъ абрековъ, которые сторожатъ казаковъ, укрываясь въ лѣсу возлѣ ихъ станицъ. Но, если попадутся абреки въ нагайской степи, которая начинается въ трехъ верстахъ отъ Терека, куда чеченцы ѣздятъ угонять нагайскій скотъ и грабить нагайскія кочевья, тогда зачастую приходится абрекамъ пѣть предсмертную пѣсню. Въ нагайской

степи нигдѣ не видно никакой защиты. Сухая печальная равнина съ поблекшею кое-гдѣ травою, тянется однообразно съ низкими камышами въ лощинахъ, съ рѣдкими чуть протоpенными дорожками и съ нагайскими кочевьями далеко, далеко виднѣющимися на горизонтѣ. Тутъ нигдѣ нѣтъ лѣса и некуда спрятаться. Завидѣвъ казаковъ, абреки залегаютъ гдѣ-либо въ песчаной ямѣ, или за песчанымъ бугромъ, связываются ремнями колѣно съ колѣномъ и, направляя винтовки на приближающихся казаковъ, запѣваютъ предсмертную пѣсню; что означаетъ всѣ умрутъ, но не одинъ не сдастся въ плѣнъ. Казаки стрѣляютъ въ нихъ, идетъ открытая перестрѣлка; но, вотъ, казаки увидѣли въ сторонѣ нагайскую арбу съ сѣномъ и, прикрывшись ею, они, продолжая стрѣлять въ абрековъ, двигаютъ ее впередъ; пули абрековъ шлепаются объ арбу, а казаки, перестрѣлявъ нѣкоторыхъ, все ближе и ближе подходятъ къ абрекамъ, и вблизи уже съ гикомъ быстро бросаются на нихъ съ шашками и пистолетами. Абреки отчаянно и какъ звѣри дерутся до послѣдняго вздоха.

Такими подвигами была полна не такъ еще давно жизнь гребенскихъ казаковъ, которые отличались на Кавказѣ своей неустрашимостью, и громкая слава о которыхъ разносилась по всей Россіи.

КНИГИ, СОСТАВЛЕННЫЯ П. СМИРНОВСКИМЪ.

Учебникъ русской грамматики (Этимологія и Синтаксисъ) для церковно-приходскихъ школъ. Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Сунодѣ одобренъ для церковно приходскихъ школъ въ качествѣ учебнаго руководства. 1897 г. Ц. 12 к.

Всѣ нижеслѣдующія 11 изданій Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрены въ качествѣ руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

I. **Приготовительный курсъ русской грамматики.** Учебникъ для приготовительнаго класса и вообще для начинающихъ. Изд. 5-е, 1897 г., ц. въ перепл. 25 к.

II. **Учебникъ русской грамматики** для младшихъ классовъ среди. учебн. заведеній.

Часть I—**Этимологія**, изд. 13-е, 1897 г., ц. въ перепл. 55 к.

Часть II—**Синтаксисъ**, изд. 8-е. 1897 г., ц. въ перепл. 65 к.

III. **Грамматика** древняго ц.-славянскаго языка, изложенная сравнител. съ русскою. Изд. 11-е, 1897 г., ц. въ переплетѣ 75 к.

IV. **Сборникъ періодовъ**, выбранныхъ изъ произведеній русскихъ писателей (1789—1880 г.), ц. 20 к.

V. **Русская хрестоматія** въ двухъ частяхъ, часть I (для 1-го и 2-го кл.), изд. 12-е, 1897 г., ц. въ перепл. 85 к.; часть II, изд. 12-е, 1897 г. (для 3-го и 4-го кл.), ц. въ перепл. 1 р.

VI. **Маленькая русская хрестоматія для дѣтей**, проходящихъ курсъ русскаго языка, соотвѣтствующій приготовительному классу при гимназіяхъ Министерства Народнаго просвѣщенія. 112 страницъ и 8 стр. предисловія, съ 32 рисунками. 1896 г. Изд. 4-е, исправл., ц. 15 к. Допущена въ приготовительные классы гимназій и прогимназій.

VII. **О курсѣ чтенія** въ четырехъ младшихъ классахъ гимназій, основанномъ на задачахъ общеобразовательной школы, съ приложеніемъ объяснительной записки къ обѣимъ частямъ Русской хрестоматіи. Ц. въ перепл. 45 к.

VIII. **Теорія словесности**, съ приложеніемъ статей: 1) Поэзія, какъ изящное искусство; 2) Элементарныя свѣдѣнія изъ логики; 3) Элементарныя свѣдѣнія изъ психологіи. Изд. 9-е, 1897 г., ц. въ перепл. 90 к.

IX. **Сборникъ статей**, какъ приложеніе къ учебнику теоріи словесности. Изд. 3-е, ч. I, ц. въ перепл. 75 к. Ч. II, ц. въ перепл. 75 к.

X. **Пособіе** при изученіи исторіи русской словесности. Часть I (народная словесность литература отъ начала письменности до Ломоносова), ц. 1 р. 40 к. Часть II (отъ Ломоносова до Карамзина), 1 р. 15 к. Часть III (отъ Карамзина до Пушкина), ц. 1 р. 50 к. Ч. IV (отъ Пушкина до новѣйшаго времени), ц. 1 р.

XI. **Курсы систематическаго диктанта.** Часть I (для 1 и 2 кл.). Изд. 13-е, 1897 г., ц. въ перепл. 75 к. Часть II (для 3 и 4 кл). Изд. 6-е, 1897 г., ц. въ перепл. 55 к.

Цѣна 10 коп.

